

18+

КАТЕРИНА ШАТОХИНА

Добровольно выбранный удел

Катерина Шатохина

Добровольно выбранный удел

«Издательские решения»

Шатохина К.

Добровольно выбранный удел / К. Шатохина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692168-9

Психологический триллер, основанный на восприятии мира человеком, который с каждым годом всё очевиднее сходит с ума, а несуществующее лицо убеждает его наложить на себя руки. Перед Андреем стоит выбор: поддаться на провокацию или, предав принципы, рассказать о проблеме врачам. Попутно проведена линия человека, потерявшего себя в стремлении нравиться всем, быть нужным в ущерб своим желаниям, неприятия себя после тяжёлых событий жизни.

ISBN 978-5-00-692168-9

© Шатохина К.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие	6
Посвящения	7
Часть I	8
Эпизод 1. (начало)	9
Эпизод 2	10
Эпизод 3	12
Эпизод 1. (конец)	13
Эпизод 4	14
Эпизод 5	16
Эпизод 6	18
Эпизод 7	19
Эпизод 8	21
Эпизод 9	23
Эпизод 10 (начало)	27
Эпизод 11	28
Четыре года тому назад	28
∞*∞*∞*∞*∞	28
∞*∞*∞*∞*∞	29
∞*∞*∞*∞*∞	29
∞*∞*∞*∞*∞	29
Эпизод 10 (конец)	31
Эпизод 12	32
Эпизод 13	33
∞*∞*∞*∞*∞	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Добровольно выбранный удел

Катерина Шатохина

© Катерина Шатохина, 2026

ISBN 978-5-0069-2168-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Предисловие

Начну, наверное, с того, что скажу спасибо тем, без кого книга не вышла бы материально; также прообразу персонажа Петра. Отдельное спасибо жительнице Республики Беларусь, которая помогла придать Сергею Лебедеву чуть больше духа своей страны.

Почему части книги называются именно эпизоды, объясняю цитатой из толкового словаря Ожегова и Шведовой. «Эпизод – часть литературного произведения, обладающего относительной самостоятельностью и законченностью». Между эпизодами необязательно должна быть общая логическая линия, и промежутки между ними могут составлять как несколько минут, так и несколько недель.

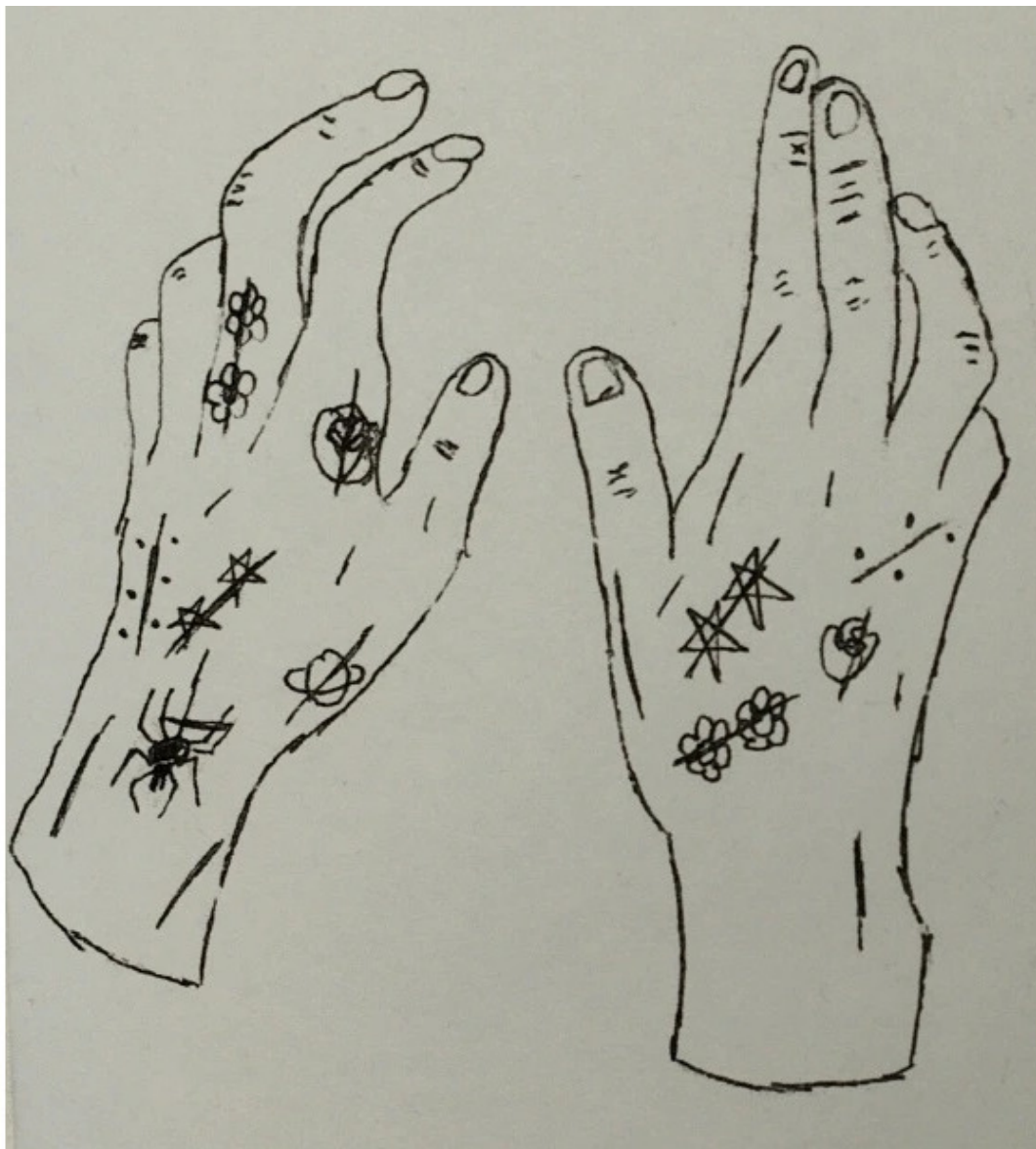
Я также напоминаю, что в своей книге я никого не призываю к курению, употреблению алкоголя, жестокости, насилию и самоубийству. Всё это, так или иначе, вредит здоровью.

Приятного прочтения, и заранее извиняюсь за ошибки, если таковые имеются.

Посвящения

Посвящаю каждому, кто чувствует себя психически нездоровым или же официально состоит на психиатрическом учёте. Каждому, кому в жизни приходилось резать себя, свою кожу. Всем, кто испытывал на себе муку коллективных издевательств.

Часть I

«Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен. Я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли...».

© Григорий Печорин. «Герой нашего времени», М. Ю. Лермонтов.

Эпизод 1. (начало)

«Жизнь и свидения – страницы одной и той же книги»

©Артур Шопенгауэр

– Ты всё равно ему не нужен. – голос звучал глухим тенором, отдаваясь стальным эхом по пустой черной комнате. В нём было мало чего похожего на человеческий голос, скорее, хорошо проработанный робот. Его не было видно, только слегка насупленный силуэт. Рядом стоял еще один человек, менее напряжённый на вид, но изредка подрагивающий время от времени, как от холода, хотя холодно здесь не было. Не было вообще никаких ощущений. И нельзя пошевелиться. Только смотреть.

– Как и ты. – ответили ему, делая шаг назад, как будто птясь. – Я не понимаю, зачем тебе его убивать.

– Ты же знал, что так должно кончиться. – голос вдруг стал наигранно приторным, но скрыть нарастающий гнев не удалось. – Я не смог сделать этого раньше, как хотел, и надеюсь, что это было не более чем случайностью. Тебе мешать себе я не дам.

– Какое ты имеешь на него право?

– Я его *создал*, понимаешь? Создал, пока ты двадцать лет не делал вообще ничего.

– Ты не давал мне что-либо сделать!

– Это сугубо твоя проблема. Ты понимаешь, Лёшенька, ты не то что надо мной, ты над ним-то силы практически никакой не имеешь.

– Тем более! Раз ты его создал, дай ему жить спокойно. Не лезь к нему.

– Как же ты мне надоел...

Через пару минут один из них лежал, туго скрученный верёвкой, и не подавал признаков жизни.

– Я тебе ещё раз повторю: ты. ему. не нужен.

Тот с трудом перевернулся на спину и прохрипел:

– Не надо... Ты же вообще с ним говорить не должен был...

– Тебе-то до него дело какое?

Эпизод 2

«Человек хорош и прекрасен. Пока его не разбили, не обманули и не растоптали».

© А. П. Чехов, «Разум сердца»

Андрей протёр глаза. Он спал редко и мало, снов вообще почти не видел, тем более *таких*. Всё было как в жизни, но в то же время размыто, как в тумане. Он встал, но о себе тут же дала знать головная боль. В глазах потемнело, сам он едва устоял на ногах, опершись рукой на изголовье кровати. Постояв пару минут и выровняв дыхание, Андрей подошёл к окну, всматриваясь во всё ещё темную улицу, с первыми только намёками на солнце. Он открыл окно и вдохнул прохладный воздух, надеясь, что станет лучше. Не помогло. Серебренский залез на довольно широкий подоконник, прислонился к ледяному стеклу. Хотелось, чтобы всё кончилось. Мигрени, бессонница, собственная отстранённость, усталость, одиночество, предвзятость... И самое тяжелое состояло в том, что он был в силах прекратить почти любой из этих пунктов. Но в то же время не мог.

Лет с шестнадцати он стал избегать общества. Постепенно уходил ото всех, прятался за книгами, что-то писал... А еще через пару лет пропал совсем. И не жалел. С бумагой просто. Что написано, то и читаешь, что хочешь, то и пишешь, не боясь, что это будет использовано против тебя. А люди бывают разные. И никогда до конца не известно, что в голове у каждого из них.

Сегодня собеседник улыбается тебе, слушает, а завтра ему что-нибудь не понравится или просто переключит его, и всё сказанное тобою ранее выставит в совсем другом свете, сделав из тебя идиота.

Если от человека нужно было что-то или просто делать нечего, у него была маска доброго, хорошего человека. Маску-то не жаль. Её с земли можно поднять, оттряхнуть и носить дальше, без ущерба для себя. А душу не починишь. Если и вылечишь, останутся отметины. Глубокие, уродливые, которые время от времени будут отчаянно болеть, взывая к себе. Как на руках.

Запястья он всегда прятал под длинными рукавами рубашек, закрывая десятки старых шрамов не столько от других, сколько от себя самого. Они выпирали, мешали и раздражали, напоминая обо всём, что с ними связано. Андрей помнил историю каждого из них. Как, чем, из-за чего и при каких обстоятельствах. В основном просто хаотичные полосы, не имеющие теперь никакого смысла, но среди них во всю длину левой руки белела надпись.

Отведя взгляд от оголившихся рук, Андрей ощутил, что боль в голове затихает. Она всегда проходила через пару минут. Но появлялась другая проблема. Или не проблема, со временем это совершенно перестало казаться чем-то необычным. Его постоянно преследовал голос, по сути полностью Андреем предсказуемый, но с другой точкой зрения, своими интересами, зачастую в принципе с очень противоречивыми мыслями. И заставить его молчать не получалось на протяжении вот уже пяти лет.

Это были совершенно разные разговоры, от абсолютно безумных теорий до простых предостережений или, наоборот, призывы к чаще всего опасным действиям. Оттуда и исцарапанные руки.

Он посмотрел на свое отражение в оконном стекле. Кажется, если бы у смерти было человеческое обличье, то выглядела бы она как Андрей Серебренский¹. Очень бледная, даже почти неестественно, кожа, очень явные тёмные круги под глазами. Красивыми, тёмно-голубыми, но в то же время очень сильно уставшими и до холода равнодушными ко всему окружающему. Были бы они не такими яркими, при первом взгляде наверняка казались бы серыми в общей картине внешности. Но их он тоже прятал. Нет, зрительного контакта он не боялся.

В глаза мог смотреть до тех пор, пока оппонент сам их не отведёт, просто... Просто старался стать для людей невидимым и ходил с опущенными тёмно-русыми волосами, закрывающими ббольшую часть лица.

Но в то же время, несмотря на всю свою изломанность, отстранённость и равнодушие, всё равно в нём присутствовала своя, неясная красота, объяснить которую, наверно, нельзя. Как разбитое стекло, сияющее на солнце, но ранящее при прикосновении. Опять же, как смерть. Надменный, холодный, но в то же время каким-то образом притягивающий глаз или мысли к себе, но стоит подпустить, загипнотизирует и сожжёт ледяным пламенем. Только в отличие от смерти, Серебренскому это не было нужно.

1. – Фамилия специально видоизменена, в связи с, в данном случае, ударением на **второй** слог. (*прим. автора*)

Эпизод 3

«Что не убивает, делает сильнее»

© Фридрих Ницше

Андрей рано ушел из дома, оборвав всю связь с родителями, переехал в другой город, сразу поступив там на филолога. Сейчас перешёл на четвёртый курс, все четыре года просуществовав невидимым почти для всех, пытаясь не то чтобы не привлекать внимания, больше исчезнуть из поля зрения. Люди замечают тех, кто вызывает у них чувство страха либо, наоборот, интерес, поэтому он жил так, чтобы в глазах человека фактически сливаться с предметами.

Подойдя к воротам здания университета, снова стал ощущать головную боль. Всё сильнее и сильнее. Он остановился и взялся рукой за прутья ворот, едва удерживаясь на ногах. В глазах стало темнеть, картинка перед глазами смазываться и ходить из стороны в сторону. Дрожь постепенно пошла по телу. «Всё нормально». – заверил голос, едва различимый за болью. «Иди дальше. Поболит – пройдёт. Иди, ничего не случится».

Андрей, стиснув зубы и почти шипя, оторвал руку и медленно пошел вперёд, понимая, что звон в ушах тоже становится громче. Ноги стали заплетаться и подкашиваться, но опереться было уже не за что. Людей во дворе тоже не было.

Он надеялся быстрее дойти до лестницы и уже стал тянуться к перилам, но в последний момент оступился, и боль стала какой-то другой, на языке стал чувствоваться ярко выраженный железный привкус. В глазах стемнело окончательно, в голове затихло.

Эпизод 1. (конец)

– Ты тварь, слышишь? – уже почти спокойно спросил связанный человек, глядя в спину второго.

В комнате было по-прежнему темно и не видно почти ничего, кроме общих фигур людей.

– Не согласен с данным утверждением. – ответил тот, не поворачивая головы. – Просто надоело, если понимаешь.

Он смотрел куда-то в стену, если они здесь вообще были, и тёр руками лицо. Выглядел он так, будто ожидал чего-то. Названный Лёшей ударился обо что-то спиной, привлекая внимание.

– Ему уже плохо.

– Знал бы ты, насколько мне всё равно.

– Будет еще хуже.

Второй присутствующий всё же развернулся к нему, подошёл ближе и наклонился к его лицу.

– Удачи в следующий раз.

Фраза прозвучала то ли с сарказмом, то ли с издёвкой. Стало слышно, как у одного из них закрипели зубы, а после всё стало рассыпаться.

Эпизод 4

*«Когда у тебя галлюцинация и отогнать её ты не в силах,
остается только расслабиться и получать удовольствие».*

© Роберт Шекли, «Лавка старинных диковин»

Андрей постепенно приходил в себя. Звон в ушах стал тише, голова болела уже снаружи, что было немного легче. Он дотронулся рукой до, видимо, рассеченного участка, но голова оказалась замотана какой-то тканью. Открыв глаза, он посмотрел на пальцы, которые от прикосновения к повязке немного окрасились в ярко-красный цвет.

На плече сжималась чья-то тёплая, мягкая рука. Перед глазами всё ещё плыло, но, всмотревшись, почти сразу узнал сидящего рядом.

– А, очнулся.

Сергей Лебедев – староста группы, однокурсник и одноклассник Андрея. Единственный, кто, несмотря на все усилия, Серебренского всё ещё видел и замечал. Однако в нём Андрей видел не просто непредсказуемого человека, как в большинстве, а такого же манипулятора и двуличника, держал себя с ним ещё более настороженно, совсем не веря ни одному слову.

Лебедев общался вообще со всеми, всегда находил, с какой стороны подойти к любому человеку, и в принципе постоянно был в компаниях. Но Андрей видел за этой вечной улыбкой и счастливыми глазами совершенно другого человека, добраться до которого никак не выходило. Что-то его явно когда-то сломало и очень сильно, вынуждая теперь носить по сути ту же самую маску.

Можно предположить, что и с Серебренским шёл на контакт просто из вежливости, как убеждался сам Андрей, но всё равно чувствовалось какое-то особое отношение. Трепетное, что ли, семейное почти. Но он этого отношения упорно не замечал или игнорировал, постоянно ожидая обмана.

И сейчас он оказался рядом. Серебренский вздохнул и осторожно убрал руку с плеча, отодвигаясь чуть в сторону.

– Ты как?

Андрей не ответил. Он поднял глаза, пытаясь понять, в каком из коридоров они находятся, но взгляд зацепился за стоящего у подоконника противоположной стены человека. Цвет волос, почти лежащих на плечах, близился к золотому; глаза казались почти чёрными; кофта и брюки походили скорее на спортивные в красно-чёрной окраске. Он точно не был ему знаком, но своим взглядом создавал впечатление, что чего-то от него ждёт. Он смотрел прямо на Андрея, скрестив руки на груди и не отводя взгляда, и, видимо, уже достаточно давно. Встретившись глазами с Серебренским, он кивнул ему, как в знак приветствия, а уголки губ изогнулись в едва заметной усмешке. Андрей растерянно кивнул в ответ и, поняв, что никакого продолжения не последует, поспешно отвернулся. Опершись на стену рукой, он поднялся, снова подвергнувшись резкой головной боли, и заскрипел зубами. Лебедев поднялся следом.

– Да нормально всё, успокойся.

– Конечно, нормально. Голова только рассечена трохи¹, а так всё нормально.

Первые тринадцать лет своей жизни Лебедев провёл в деревне Беларуси, где вся речь была построена на национальном языке, и даже спустя двенадцать лет в России оставался заметный акцент.

Сергей был очень высокого роста, скорее всего, чуть выше двух метров, отчего с Андреем, который был немного ниже среднего роста (около ста семидесяти сантиметров), выглядел сильно контрастно. Вообще, не только из-за этого. Волосы были светлыми и сильно вились, лицо располагало само по себе, как и глаза тёмно-зелёного цвета.

На свой возраст Лебедев не выглядел. Ему было чуть больше двадцати пяти, но казался он если не младше, то точно не старше двадцатилетнего Андрея.

Серебрянский ненадолго закрыл глаза, привыкая к боли, но сквозь сомкнутые зубы всё же спросил:

– А там прям рассечена?

– Ты роуна о ступеньку ударился. Прям рассечена.

Отпустив стену, Андрей подошёл к висящему недалеко зеркалу. Голова была обмотана бинтом с несколькими пятнами насыщенного бордового цвета, которые не впитывались до конца, пачкая при прикосновении.

– Красиво, да?

Серебрянский повернулся на голос. Человек, стоящий до этого молча у окна, медленно подошёл к нему с всё тем же насмешливым выражением лица и похожим настроением интонации.

– Чего?..

– Услышал же, для чего переспрашивать?

Он облокотился спиной на стену и тихо выдохнул, глядя в пол и неприятно улыбаясь. Лебедев тоже посмотрел в его сторону и подошёл чуть ближе к Серебрянскому.

– Андрей, ты... с кем?..

Серебрянский резко повернул к нему голову, также быстро развернулся к уже чуть свободнее смеющемуся третьему присутствующему и не сдержал нервного смешка.

– В смысле?

– Тут... нет нікога.

Андрей не ответил, только, всё больше теряясь, бегал зрачками от одного к другому.

– Как нет?

– Это ты бредзишь, наверное. Это нормально, пройdzёт скоро. Должно пройти...

1. – Немного (белорусский)

Эпизод 5

Но не прошло. Ни через час, ни через два. Весь день ещё Андрей ощущал рядом присутствие и взгляд, от которых не мог уйти. И сказать ничего не мог, чтоб внимание не привлекать. А тот просто ходил рядом и молчал. И выглядел совершенно по-настоящему. В какой-то момент пришла даже мысль, что это действительно реальный человек, и всё это не больше чем игра, но слишком долго и искренне никто ничего не замечал.

Выйдя на пустую улицу, Андрей остановился.

– Кто ты? – тихо спросил он, хотя прозвучало это скорее как какое-то странное утверждение.

– Апостол Пётр¹. – так же тихо отозвался спутник, глядя ему в глаза и улыбаясь, немного оголяя при этом верхний ряд зубов. – Твой ангел-проводник в вечность.

Андрей не выдержал и отвернул голову, глядя на потрёпанную серую плитку под ногами.

– Чего... – помолчав некоторое время, Серебренский вдруг улыбнулся и, как-то нервно посмеявшись, спросил: – Мой срок истёк?

Пётр ответил так, что шутит ли он, было неясно:

– Пока ещё нет. Но я помогу этот момент приблизить.

Андрей сглотнул почему-то ставшую вязкой слюну и упёрся спиной в стену, как будто пытаясь вжаться в неё совсем.

– Убьёшь меня? – он по-прежнему старался придать голосу сарказма, но тот предательски дрожал.

– Можно, а зачем? Нет, убивать я тебя не буду. Я лишь докажу тебе, что смерть сейчас в твоём случае является самым лучшим исходом. И ты сделаешь всё сам. Мне-то зачем руки об тебя марать.

Андрей, как в жест самозащиты, улыбаясь, закусил губу и кивнул. Он оттолкнулся от стены и, не глядя в сторону Петра, пошёл дальше.

– Докажешь... Тебя не существует, я тебя сам придумал. Докажет он. Что ты мне докажешь?

– Как нет? – он усмехнулся и поравнялся с ним. – Ты же видишь меня? Как меня может не быть.

– Другие-то не видят. – Серебренский всё сильнее ощущал себя ребёнком, пытающимся доказать что-то совершенно глупое, с которым не прекращают диалог только из желания посмеяться. – И не слышат.

– А другим я и не нужен.

– Да ты и мне особо... —

– Ты на руки свои посмотри изуродованные. Если я тебя себя резать заставил, как думаешь, через сколько времени тебя из речки вылавливать будут?

– Отстань. – Андрей дёрнул плечом, слегка отталкивая его. – Тебя тогда не было даже. Я сам это делал.

– Да-да, сам. Говорю же, сам всё сделаешь. – Серебренский замолчал, не видя смысла с ним спорить, особенно учитывая, что объективно идёт по улице он сейчас один. – Я тебе помочь хочу.

– Не нужна мне помощь твоя.

– Не перебивай. – он сделал какой-то невнятный жест рукой, призывая к молчанию. – «Спасибо» потом скажешь. Но лучше, если не скажешь, конечно.

– Ты вообще знаешь, что? – в его голосе всё ощущимее слышалось раздражение. – Ты мне кажешься, ты потом исчезнешь, так ведь?

– Я рад, если в твоём представлении это так, а теперь послушай. Я думаю, ты не станешь отрицать факт своей смерти в целом? – Серебрянский потеряно кивнул, но Петру его ответ, судя по всему, был не очень интересен, – Так почему это обязательно должно стать неприятной непредвиденностью?

Андрей вздрогнул.

– В смысле?

– Да не дрожи ты, боишься меня, что ли? Сейчас, – продолжил он, снова не дожидаясь ответа. – ты можешь выбрать вообще какую угодно смерть. *Любую*, понимаешь? А если нет? Ты просто подохнешь, как все. Джероламо Кардано² известен тебе?

– Извес... —

– Предсказал дату своей смерти и застрелился в этот день. Красиво?

– Но ему и было не двадцать лет!

Пётр цокнул на вдохе и слегка развел руками.

– Недостаточно красиво. А можно ещё в дату рождения.

– З... зачем?

– Ну, представь, здорово как? Могилка стоит, и там одинаковые цифры все, кроме года. А если ещё и совместить...

– Прекрати! – Андрей остановился и поднял на него голову. – Ты совсем конченный?

– Не хуже тебя, уж поверь. Сам же сказал, меня нет, и ты меня придумал... – он издевательски растягивал гласные, что ещё сильнее било по нервам. – Так что я тебе твои же мысли рассказываю.

– Я на себя руки накладывать не буду.

– А это уже я решу, будешь ты или не будешь.

– Наплевать мне на тебя и на твои решения.

– Андрюша, ты даже не представляешь, насколько твоё мнение сейчас схоже с пустым звуком. – Пётр посмотрел ему в глаза и улыбнулся. – А от тебя я до самой смерти теперь не отстану. Но ты знаешь, в твоих силах её приблизить.

1. – Персонаж не подразумевает никакой связи с библейским Апостолом и не является его карикатурой (*прим. автора*)

2. – Джироламо Кардано – итальянский математик, инженер, философ, врач, астролог (1501 – 1576). Предсказал дату своей смерти, но ошибся на три года ровно. Легенда о самоубийстве исторических подтверждений не имеет.

Эпизод 6

*«Под маской жёсткого сарказма
Скрывается, едва дыша,
В кольце циничного маразма
Задолбанная в хлам душа».*
© Наталья Чернышёва, «Под маской».

«Нет, ну... Что-то же не так?»

Мячик отскакивал от стены к полу, а потом в руку уже по сотому разу. Лебедев сидел так минут двадцать. Или час. Или несколько часов. Он всегда ненавидел оставаться в одиночестве. Находиться самим собой. Когда не было людей, пропадала надобность в роли, и он снова видел себя таким, какой он есть. А вернее, никаким. Мог сидеть так, кидая красный теннисный мячик о стену, часами подряд, не замечая времени совсем. Он действительно любил людей, но был уверен, что если перестать быть удобным, какая-либо причина продолжать с ним общение пропадёт, а без него он не мог и подстраивался под каждого. А если никого нет, то и подстраиваться не под кого. А он уже отвык. И потерялся.

Но сломанным себя Сергей не считал. Считал, что в одиночестве сидеть часами практически неподвижно – это естественно. С людьми-то он не такой, верно? Да и не так уж часто он так время проводил.

«Уже несколько недель прошло, у него по-прежнему глаза бегают, как будто бы смотрит на кого-то...»

Серебрянский явно старался создавать ощущение, что всё нормально, что всё как обычно. Ему это даже почти удавалось. То есть, он и выглядел как всегда, если не всматриваться. Но Лебедев всматривался. Андрей и раньше мог вслух шёпотом сам с собой разговаривать так, что не разобрать, но делал это как-то намного реже, всегда через какое-то время осекался. А теперь будто спорил с кем-то. Постоянно. Также тихо, но чуть увереннее.

Раздражительным стал до невозможности. Он, может, никогда и не был сильно рад общению, но не до такой же степени.

Вечно уходил куда-то ото всех в промежутках между парами. И как будто бы это его совсем не касалось, но Лебедев всё же постоянно старался держать его в поле зрения. Сам не знал зачем, просто на подсознании понимая, что нужно.

«С ума он, что ли, сходит? – Сергей последний раз, сильнее, чем обычно, кинул мячик и встал с кровати. – Нет, бред какой-то. Всё нормально. Надеюсь, по крайней мере».

Эпизод 7

«Я начала просыпаться по ночам с каким-то клаустрофобным ощущением от темноты».

© Александра Старость, «Без масок. Биполярники»

А «нормально» совсем не было. Андрею казалось, что вот сейчас точно конец. Что-то совсем неясное. Было очень тесно в своём же теле. Полное ощущение, что его в нём заперли. Настолько тесно, что на уровне инстинктов хотелось из него выйти. Любым вообще образом. Происходило это очень поздней ночью, и сделать что-либо он не мог. А учитывая, что находился в общежитии с двумя своими соседями, попытаться избавиться от этого состояния нельзя было даже через крик, и Андрей корчился на кровати, грызя свои руки практически в кровь. *Слишком тесно.* Предметы вокруг искажались. Становились меньше или, наоборот, больше, чем должны быть. Мебель искривилась, некоторые вещи просто изменялись и шли волнами. *По-прежнему очень тесно.* Потолок словно находился ниже, чем был. И постепенно опускался, падая. Всё это сопровождалось непрекращающимся громким гудением в ушах, которое оказывало дополнительное давление. «Вот так люди умирают?» Закрывать глаза было страшно. *Почему так тесно?* Темнота давала еще более насыщенное осознание тесноты нахождения в теле, и становилось только хуже. К тому же Андрей был уверен: *если сейчас уснёт, больше не проснётся.*

– Проснёшься. Ты не умираешь.

Андрей поднял голову на голос. Ни разу за всё время он так не хотел увидеть Петра.

Но это был не он. Парень лет шестнадцати. Он смотрел сочувствующе и отчасти виновато. Выглядел почти обычно, хотя даже в темноте был заметен бросающийся альбинизм. Явно нервничая, он щёлкал костяшками пальцев. Андрей на секунду даже перестал биться в этом состоянии и смотрел на него.

– Ты... – не зная, что сказать, он просто замер, стараясь подавить новый приступ.

– Я Лёша. – он помолчал ещё пару секунд. – Прости, если напугал. Если хочешь, я уйду.

– Нет, останься. – Андрей сел, облокотился на изголовье кровати. – Ты настоящий? Или тоже кажешься?

Лёша чуть сильнее закусил щёку изнутри.

– Второе.

Серебрянский тяжело вздохнул.

– Что со мной не так? – вопрос, интересующий его уже недели две.

– Ты про состояние или о... – Лёша осёкся, продолжая пальцами перебирать низ своей белой футболки, почти сливающейся с цветом кожи.

– Да обо всём. – Андрея уже снова начинало трусить, но голос держал ровным и спокойным. – Что вообще происходит?!

– Это состояние... Оно продлится недолго. К утру успокоится, обещаю. Ты, может, сейчас злиться будешь, но, кроме как успокоиться, я ничего посоветовать не могу. Правда. Попробуй дыхание выровнять.

– Придурок. – Серебрянский сжал волосы и с силой ударился затылком о стену. – Малолетний придурок.

– Не делай себе больно. Легче от этого всё равно не станет. Ну, или несущественно.

– Отстань.

– Ты дрожишь. Из-за того, что плохо, или тебе холодно?

– Неважно.

Андрей, едва удерживая равновесие в видоизменённом пространстве, встал и подошёл к столу, всем весом опираясь на него руками. Он стал судорожно хватать рукой случайные участки стола, убеждая себя, что он такой же, каким и был, и поменяться не мог. С губ срывается неопределённый звук между облегчённым выдохом и паническим всхлипом. Чересчур резким движением вырывает из первой попавшейся тетради двойной лист бумаги, произвольно водит чернилами по нему, рисуя невнятные узоры. Ручка в пальцах от чего-то постоянно соскальзывает. Серебряный раз в шестой нервно её поправляет, садится за стол, начинает вырисовывать дрожащей рукой кривые буквы, не вдумываясь в их общий смысл. Какие-то слова. То ли связанные между собой, то ли нет. В данный момент каждая трясущаяся буква забирала у него всю концентрацию, на время отводя мысли от происходящего. Дыхание перестаёт срываться и хрипеть, лицо не так сильно горит и бледнеет. Рука не дрожит. Сердце перестаёт биться с бешеной скоростью, только шум никак не затихает.

Эпизод 8

«Сейчас бы почитать про прошлое или даже про будущее, но как в это окунуться, когда тонешь в настоящем?»

© Д. Т. Позов.

В комнате было темно и тихо, не считая света от лампы, освещающей оранжевым светом кровать и стену рядом; тихий шорох грифеля карандаша по бумаге. Обои зелёного цвета давали своим тёплым оттенком иллюзию внутреннего спокойствия, которого на самом деле ощутить в полной мере не получалось уже несколько лет. Постоянно где-то рядом витало беспокойство, создаваемое такой проблемой, которая не будет в голове на первом плане, но всё равно всегда будет находиться рядом, заставляя возвращаться к себе при любом удобном и неудобном случае.

Дверь была закрыта, из-за чего всё, происходящее за пределами комнаты, казалось далёким и не имеющим к Адели никакого отношения. Но шаги за дверью всё равно распознавались более чем отчётливо. По звуку человека три. Скорее всего, два врача и мать. В последнее время нередкое явление. Года четыре отец находился в отвратительном состоянии, два года назад у него выявили воспаление сердца, последний год врачи приезжали практически каждый месяц, последние месяцы – каждую вторую неделю. Но лечиться в больницу он, тем не менее, отказывался, не объясняя никаких причин.

Адель подошла к двери и прислонилась к ней ухом, прислушавшись к звукам. Выходить не было желания, поэтому она пыталась разобрать тихие слова разговора. Но дверь в родительскую комнату закрылась, не оставляя возможности услышать что-либо ещё.

Она отошла от двери, подумав, что ничего нового наверняка никто не скажет, и вернулась к кровати с лампой, взяв обратно в руки тетрадь с незаконченным портретом. Движения рукой становились всё резче и небрежнее, придавая рисунку больше, чем, наверное, требовалось, чётких линий.

Мысли уходили всё дальше от занятия. С каждым таким ночным приездом они всё настойчивее возвращались к навязчивой идее, что, вероятно, осталось недолго. Отгонять их становилось всё труднее, а они тем временем услужливо подкидывали разные картинки самого события и событий после.

Отца её звали Григорием, всю жизнь он проработал реаниматологом в той самой больнице, откуда теперь регулярно приезжали врачи. Спокойным характером не отличался, а даже, скорее, наоборот, был очень вспыльчив и самоуверен, из-за чего раньше основывалась большая часть проблем и ссор в доме. Но чем хуже ему становилось, тем меньше он, соответственно, срывался.

С каждым днём надежда на выздоровление рассеивалась на глазах. А говорить было не с кем. Несмотря на общие неплохие отношения со знакомыми, Адель не могла и не хотела ни с кем этим делиться. Не воспримут. А матери и так плохо было, с ней тоже неловко. Поэтому приходилось переваривать всё это в одиночку.

И каждый раз ей вспоминался брат, некогда живший в комнате напротив. Он был старше почти на десять лет и уже очень давно не появлялся дома. Помнила Адель его смутно и, скорее, даже не его, а ситуации, в которых он принимал непосредственное участие. Из-за разницы в возрасте особо ничего связывающего у них с ним не было, и ссор не возникало. Зато в памяти практически в идеальном состоянии сохранялись многие истории.

Он не соответствовал ожиданиям отца. И это было то, с чего начиналась вся дальнейшая история. Они постоянно ругались. По любым поводам. Брат её постоянно зачитывался класси-

кой, ему запрещали. Он прятал книги по всей комнате, их находили, и снова скандал. На полях тетрадей постоянно оказывались разбросанные строчки, за них он тоже выслушивал.

Последнее, что сохранялось в памяти с его участием, как в вечером в июне он с совершенно спокойным холодным выражением лица, но со слегка подрагивающими от скрываемого волнения пальцами пришёл к родителям и поставил их перед фактом, что документы в университет приняли, и он уезжает. И также равнодушно, но уже чуть тише добавил, что факультет филологический, а не медицинский. На этом спокойствие закончилось. У всех. Беседа с едва скрываемой агрессией вскоре переросла в ругань, потом в крики, потом в угрозы. Потом стала биться посуда.

Мать за все годы никогда не занимала определённую сторону. Не спорила ни с тем, ни с другим. В тот вечер она, не найдя другого решения, ушла куда-то и долго не возвращалась. Адель была в комнате и ждала, пока всё кончится. Но оно не заканчивалось. Это продолжалось всю ночь. Только часам к четырём брат, не выдержав, закрылся у себя и, как позже выяснилось, забаррикадировался шкафом.

Григорий ломился к нему ещё какое-то время, а после ушёл. И всё затихло. Из этой комнаты вообще больше звуков не доносилось. День, второй, третий... Через неделю дверь всё-таки вскрыли. Всё в комнате было перевернуто, стены испорчены, рамы побиты, окно открыто нараспашку. Брата нет. Куда и как он ушёл, вероятно, без денег и вещей – неясно, но больше он не вернулся. И никаких вестей от него тоже не было. Номера он сменил, сам, понятное дело, ни с кем не связывался, и искать его Григорий не стал. Практически пропал без вести. О нём с тех пор никто не говорил. А Адели хотелось, чтобы он сейчас по-прежнему был дома, вероятно, тоже не спал. Или хотя бы знать, что с ним.

Из мыслей её вырвали шаги и голоса за дверью. Несмотря на то, что в диалог Адель не вслушивалась, одна фраза прозвучала особенно чётко, бросившись в уши.

– ...ему осталось не больше полугода, поверьте...

Ничего до, ничего после она не слышала. Эти слова бессмысленно прокручивались в голове ещё пару минут, после чего она быстро встала, подошла к двери, но, потянувшись к дверной ручке, остановилась. Отступила шаг назад. Не зная, что делать, выйдя из комнаты, она вернулась к кровати. На портрете в самом центре чернела жирная линия, оставленная поломанным после слов за дверью карандашом. Подавив порыв вырвать лист, Адель закрыла тетрадь и убрала в верхний ящик стола.

Услышанная информация никак не могла нормально улечься в голове, создавая в ней всё больший беспорядок. Адель выключила лампу и закрыла глаза.

Когда ушёл брат, казалось, что хуже не будет. Потом заболел отец, и показалось, что теперь точно самое плохое. Теперь просто интересно. Будет ли что-то ещё.

Эпизод 9

*«Избавьте меня, ради бога,
От этого чувства, которое мы называем
тревога»*

© Сплин, «Тревога»

Лебедев вышел из аудитории и аккуратно закрыл за собой дверь. В коридоре было тихо, и ничего будто бы не происходило. Сергей медленно, бесшумно пошёл к повороту, ведя рукой по неровной стенке. В этот момент за углом упало что-то металлическое, несколько раз ударившись о плитку, после чего послышался негромкий вздох, и о пол разбилось две или три капли чего-то. Ускорив шаг, он подошёл ближе и посмотрел за угол.

Там, опираясь одной рукой на стену, стоял Серебренский, слегка подрагивая. Вторую руку он, согнув в локте, рассматривал так, будто видел её впервые. По коже алыми ручьями стекала быстрым и почти сильным напором кровь. Рядом с Андреем на полу лежало лезвие от канцелярского ножа.

– Я же... не хотел резаться. – сказал он вслух, как будто обращаясь к кому-то. Лебедев сразу решил, что к нему, и первой реакцией стало снова скрыться за стеной, хотя, если бы он его действительно заметил, то смысла в этом, конечно, не было бы. Но Андрей продолжил, также с кем-то разговаривая: – Я просто поцарапаться хотел... Рука дёрнулась...

Серебренский смотрел на свежий порез и провёл по нему пальцами, сразу же зашипев от боли. Но всё же он чувствовал, как с этой кровью из него выходит убогое, липкое чувство необоснованной ничем тревоги, преследующее его уже несколько часов подряд. Когда она появляется по какой-то причине – это одно. Страх, волнение за что-то. Тебе ясно, чем это вызвано, и ты можешь попытаться всё это усыпить. Когда тревога формируется в голове из ничего, ты не знаешь, чем она вызвана, и начинаешь подсознательно придумывать ей причину, но из-за этого нервничаешь только сильнее.

Это состояние, плавно перетекающее из волнения в случайный поток ядовитых мыслей, начинающих постепенно убивать изнутри. Особенно плохо, когда вокруг много людей, а попутно ещё нужно что-то слушать и слышать. Андрей выдержал часа два, беззвучно утопая в этом мусоре мыслей, но потом всё же сбежал.

В чувство привёл только вид крови в больших количествах. Даже не сама кровь, а факт того, что её тяжело будет спрятать, и тревога сама по себе отошла на второй план.

– А тебе всегда помогало. – усмехнулся Пётр и скучаяще облокотился на стену. – А вот пока тебя не было, – он посмотрел на Лёшу, – с ним такого не происходило. Я же говорил тебе сидеть тихо.

Тот от внезапного выпада на секунду растерялся, но, наконец поняв, видимо, смысл сказанного, тут же отшатнулся от Андрея, подойдя ближе к Петру.

– Ты что... идиот? Как ты пришёл, с ним всё это и происходит.

– Нет, давай так: пока я был один, он паничек не ловил.

– Я пришёл, когда он *уже*... —

– Да мне так-то плевать. – он улыбнулся и скрестил руки на груди. – Когда ты пришёл, зачем. Просто отстань от него, да и от меня заодно.

– Со мной он не резался. – почти срывающимся голосом продолжил Лёша.

– Мне. Вообще. Всё. Равно. Будет он себя калечить, не будет, мне неважно. Если ему так легче, пусть хоть весь изрежется.

– Да в этом-то и дело, что у него уже и так всё тело изрезано! Пока *тебя* не было, с ним всё было нормально.

– Замолчите уже оба. – не особо вникая в их диалог, он вытер носком обуви кровавые капли с пола, поднял лезвие, убрав в карман, и неосторожным движением необдуманно спустил закатанный рукав, и белая ткань рубашки тут же насквозь пропиталась кровью. Он тихо чертыхнулся и положил руку во второй карман. – Со мной и сейчас всё нормально. – но сразу после этих слов осёкся, поняв, как эта фраза, вернее то, к кому она обращена, противоречит своему смыслу. – Я вас обоих сам придумал. Я же знаю, что вас не существует. А психи... они же не отдают себе отчёт в неправдивости галлюцинаций? – Пётр лишь пожал плечами, Лёша не ответил ничего. А Андрей вдруг понял, как он сам не может поверить ни одному своему слову. Голос от этого дрогнул. – А накрывает меня... накрывает меня нечасто, значит, жить с этим можно... Со мной всё нормально. – но убедить себя в этом он так и не смог. Он закрыл лицо в руках и почувствовал мелкую дрожь по телу. – Я так больше не могу.

В этот момент по коридору раздались громкие и отчётливые шаги. *Слишком* отчётливые шаги. Андрей машинально спрятал руку с испорченным рукавом и прижался спиной к стене. Сразу вспомнил, что даже не старался говорить тише, и идущий человек наверняка всё слышал. В голове появилась отчаянная мысль сбежать через дверь, ведущую на лестницу, но в этот момент он поднял глаза туда, откуда шёл звук, и понял, что уже бесполезно. Сначала Андрей думал только, как объяснять свой диалог на повышенных тонах с пустым пространством, но через несколько секунд всё же понял, что перед ним Лебедев и можно, в принципе, ничего не объяснять.

Сергей выглядел как обычно спокойно, со своим привычным выражением лица, но глаза сильно выбивались из этой картины безмятежности, выдавая всё беспокойство. Андрей сразу сложил этот взгляд с нарочно громкими шагами по коридору и понял, что Лебедев не только всё слышал, но и, скорее всего, видел. К тому же Лебедев неосторожно посмотрел на руку Андрея, сдав себя окончательно.

– Усё... хорошо? – спросил он, запнувшись.

– Ты всё видел и слышал, да? – Серебренский не видел смысла играть в игру взаимного непонимания, но от этой прямоты Сергей только сильнее замялся и от этого неосознанно перешёл на «мову».

– Я... выпадкова... Прабач, я проста... – ¹

– Просто скажи, с какого момента ты слушал.

– Як нож на падлогу ўпаў, чуў...² – он слегка отвернул голову, стараясь не пересечься с Андреем взглядом. Тот вздохнул.

– Только не говори никому, ладно? По-человечески тебя прошу, просто забудь и сделай вид, что ничего не видел. – на лице Сергея читалось смятение, смешанное со страхом. Непонятно каким страхом. То ли перед Серебренским, то ли даже *за* него. – Не смотри так. Ты думаешь я псих, да? Я не кинусь, не бойся. До остального, мне кажется, тебе не должно быть дела.

– Перестань тараторить, дай ему слово сказать. Может ему и нет дела. – раздался за спиной голос Петра, Андреем успешно проигнорированный.

– Я цябе... и не боюсь. – неуверенно сказал Лебедев, подходя ближе, – Табе... точно помощь не трэбна? – добавил он аккуратно, словно боясь словами или тоном его спугнуть.

– Да не «трэбна», говорю тебе! Я нормальный. – слегка раздражённо ответил Андрей, машинально убирая порезанную руку за спину.

Увидев этот жест, Сергей снова посмотрел на неё, но после, ещё, кажется, сильнее сомневаясь, посмотрел Андрею в лицо.

– Ты специально... это сделал?

Серебренский обречённо вздохнул.

– Раз ты спрашиваешь, значит любой ответ, кроме положительного, тебя вряд ли удовлетворит?

– Мяне удовлетворит праўдывый оцвет, Андрей. Калі ты скажеш «нет», я поверю.

– Я не хотел резать. Хотел просто немного поцарапать. Так что не могу сказать, что специально. Ты, кажется, должен был слышать, я это говорил.

– Просци за вопрос, але³ кому ты говорил?

Андрей с самым искренним видом улыбнулся.

– Я сам с собой разговаривал. Галлюцинациями не страдаю, если ты об этом.

– Ты с кем-то говорил, я слышаў. – настаивал Лебедев, оглядевшись по сторонам, – Ты сказаў, что придумал каких-то обоих.

Серебрянский закусил губу. Он почувствовал, как в груди что-то оборвалось, и он действительно «так больше не может».

– Хватит. – голос дрогнул и перешёл в полушёпот, – Хватит, пожалуйста. Не задавай вопросов, я не хочу на них отвечать. Я не хочу тебе врать. *Пожалуйста.*

Сергей на некоторое время замолчал. Поток мыслей и вопросов в голове внезапно прекратился, и ему вдруг стало совершенно наплевать, что происходило здесь пару минут назад. В лице Андрея впервые читалась обнажённая боль, которая всё ещё сдерживалась им, несмотря на свою силу и размеры; он сам напоминал ребёнка. Потерянного и напуганного. И глаза отчего-то блестели. Его покрывало мелкой, едва заметной дрожью, приметной только по губам. Лебедев понимал, что это вполне могло бы быть притворством, но за секунды в своей голове решил, что на *такую* игру он хочет и готов повестись.

– Покажи руку. – мягко попросил он.

– Ч... что?

– Дай руку, пожалуйста.

Андрей ненадолго замешкался, не решаясь, но всё же протянул её Лебедеву. Тот невольно вздрогнул, глядя на пропитанный рукав, но ничего не сказал, только взял его за запястье, второй рукой расстёгивая пуговицу на рукаве. Он закатал его до локтя и вздрогнул во второй раз, увидев уже сохнувшие кровавые разводы. Сергей попытался визуально оценить глубину пореза, но взгляд стал бегать по другим, уже как будто совсем старым шрамам. Осознав это, Серебрянский вырвал руку.

– Я не хотел... – он тут же начал оправдываться, но Андрей его перебил.

– Мне всё равно. Слышал и слышал, видел и видел, знаешь и знай. Только не говори никому. Я не хочу, не надо.

– Я никому ничего не скажу. – Сергей снова взял его руку в свою, уже просто глядя её через ткань большим пальцем, смотря теперь только в глаза. – Обещаю.

Серебрянский рассеянно кивнул, всё больше теряясь. Он впервые понял, что что-то действительно не так. Что может быть по-другому. Что не все, чтобы успокоиться, режут кожу. Что *не всем* нужно успокаиваться. И что так с ним было и будет всегда.

– Нет, не всегда. До твоей смерти, Андрей. – радостно возразил Пётр. – И ты сам вполне можешь всё прекратить.

Серебрянский моментально повернулся к нему, хотел что-нибудь ответить, но рука по-прежнему оставалась в мягкой, но уверенной хватке, взгляд обладателя которой явно только что помрачнел.

– Ты видишь кого-то?

– Нет. – Андрей резко повернулся к Лебедеву, так ничего и не ответив. – Нет, я никого не вижу. Здесь никого нет.

Сергей понимающе улыбнулся.

– Дюш, ўсё будзет хорашо. – от формы имени Андрей вздрогнул, но промолчал. – Толькі не калечь сябе, ладно? Если что-то будет нужно, лепше⁴ мне говори, добра?⁵

Андрей кивнул. Конечно, он ему никогда ничего не скажет. И так слишком много уже знает. *«Не лезь, оно убьёт тебя, идиот».*

1. – Я... случайно... Прости, я просто... (бел.)
2. – Как нож на пол упал, слышал. (бел.)
3. – Но (бел.)
4. – Лучше (бел.)
5. – Здесь: «Ладно» (бел.)

Эпизод 10 (начало)

«Психолог – единственный врач, к которому человек, когда придёт, никогда не услышит от него: «У вас всё хорошо».

© А. А. Шастун

Андрей, спустя долгие минуты смятения, наконец остановился перед закрытой дверью и, всё-таки решившись, занёс руку для стука. Но снова замер. *Нет, невозможно.*

Он опустил руку и сделал шаг назад. Что делать, он не знал, но продолжаться так точно не могло. По началу, конечно, хотелось обойтись без постороннего вмешательства, но со временем это уже перестало казаться возможным.

Время шло к восьмому часу вечера. Коридор освещался несколькими тусклыми, изредка мигающими лампочками, своим пожелтевшим светом выделяя грязно-, некогда —оранжевые стены, совсем обшарпанные понизу и посеревшие под потолком. Вокруг не было и уже, наверное, не могло быть людей, но Андрей всё равно поминутно оглядывался и прислушивался к каждому шороху.

Внезапно между лопаток пришёлся несильный удар.

– Чем занимаешься?

Андрей резко обернулся, локтём со всей силы толкая оппонента в грудь.

– Опять ты. – он посмотрел на скривившегося Петра, отошедшего на пару шагов, и усмехнулся. – Один?

– Один. – повторил тот и посмотрел через плечо Серебренского на висящую на двери табличку. *Психиатр.* Секунду с его лица считывалось беспокойство, но почти сразу он улыбнулся. – Забавно. Думаешь, психолог поможет.

– Нет. Психолог – нет. Надеюсь, психиатр хоть что-нибудь сделает.

– Сам себя сдать хочешь? – Пётр смотрел на него, как коршун, выжидая и словно испытывая. Андрей замаялся. Нет, он не хотел. Совершенно не хотел. – Всегда мечтал об этом, да? – обострял Пётр, переводя голос почти в шёпот. – *Тебя запрут, Андрей.* Успокоительные; тесты; санитары; медикаменты; общественная стигматизация... *Вязки*, в конце концов! В России так ещё и насилие применимо, ты заешь об этом? Этого хочешь?! *Тебя положат на принудительное лечение.* Ты психопат, ты понимаешь это?

– Понимаю. – сквозь стиснутые зубы прошипел Андрей.

– Так тебе там ничего нового не скажут. Может быть, каким-нибудь умным словом это всё обозначат, а так ты всё знаешь. Ещё и в документы тебе настрочат, что ты бешеный.

– Хватит. – Серебренский толкнул его в плечо и снова подошёл к двери. – Зато ты отстаешь.

Пётр дёрнул его за руку.

– Я и так могу исчезнуть, ты же знаешь. Мозгоправы необязательны. – Андрей не повернулся, но замер, давая понять, что слушает. – Я же говорю тебе: не станет тебя – меня не станет вместе с тобой.

Серебренский резко потянулся к дверной ручке, но его снова одёрнуло назад. Над ухом раздался хриплый до мурашек голос:

– Кажется, несколько лет назад ты молился, чтобы этот диагноз тебе не поставили. Не помнишь?

Андрей закрыл глаза, отошёл от двери.

– Помню...

Эпизод 11

Четыре года тому назад

*«Неужели я мог
Залететь так высоко
И сорваться жестоко,
Как Падший Ангел?»
© Nautilus Pompilius, «Падший ангел»*

Андрей уже пятый или четвёртый раз «просыпался», не помня абсолютно ничего ранее произошедшего. Он протёр лицо руками, пытаясь вспомнить, кого он подсознательно ждёт и где вообще находится. Воспроизведя в голове, что ждёт он психолога, и вспоминая некоторые детали беседы, он поднялся с дивана и подошёл к окну, проведя рукой по подоконнику.

Первые разы, когда он искренне старался взаимодействовать с врачами, ему ставили то раздвоение личности, то склонность к галлюцинациям и перенаправляли к психиатрам, что в данном случае не представлялось возможным. Андрею всё это не нравилось. Он же точно знал, что здоров. Просто... играл?..

Это был урок физики. Андрей что-то писал на полях тетради, пропуская через себя весь ход слов и формул. Он сидел один на последней парте, и, кроме тихого ветра, ничьего присутствия очень долго не ощущалось. Голос. Глухой, низкий голос. Серебренский посмотрел по сторонам, но, увидев, что никто с ним не говорит, стал постепенно осознавать, что голос у него в голове. Проигнорировав эту мысль, Андрей продолжил оглядываться, пока голос всё настойчивее призывал выполнить сказанное им действие.

Андрей, сколько себя помнил, в мыслях всегда разговаривал с собой во втором лице. Никогда это не казалось чем-то странным или нестандартным. Но слышать голос так, будто с ним разговаривает реальный человек... Нет, это точно было в первый раз. И сопротивляться почему-то становилось всё тяжелее. Он подчинился, находясь в полной уверенности, что это его собственное желание.

Он вырвал из тетради лист. Руки хорошо знали все нужные движения, и действия выходили словно заранее подготовленные и отрепетированные. Длинные пальцы плавно складывали бумагу, будто последние месяцы только этим и занимались. Аккуратно сглаживал сгибы костяшками.

Идеальной фигурки оказалось недостаточно. Андрей вытащил из циркуля иголку и воткнул в палец, двигая ей из стороны в сторону, раздирая изнутри.

Вскоре края сложенной бумаги окрасились ярко-красным цветом. Кровоточащего пальца хватило ещё на пару мазков в центре фигурки, после чего Серебренский взял её двумя руками и некоторое время просто рассматривал со всех сторон. Добавил узор чёрной ручкой, а потом внезапно поднялся с места. Не реагируя ни на что, не воспринимая ничего, он подошёл к учительскому столу. Он не замечал на себе взглядов, так же, как до этого никто не замечал его занятия. Всем было всё равно. Пока Андрей не протянул преподавателю белого бумажного ангела, крылья которого были обильно измазаны кровью, а в груди ей же небрежно нарисовано сердце, подробно детализированное чёрным цветом. Видя непонимающие глаза, он негромко, вполголоса сказал:

– Это Падший Ангел. И он скоро придёт за вами всеми. – Серебренский повернулся ко всем присутствующим и слегка оскалил зубы в недоброй улыбке. – *Ему нужны чистые души.* И только тут голос замолчал. И Андрей остался один.

*Падший Ангел весь в грязной крови,
Взамен требует чистой детской души.*

– Скрывать свою неадекватность надо было. – отец даже не поднял на него глаз, заполняя какие-то бумаги. – Сам виноват.

Неадекватность... Уже даже не обидно. Странно, но Андрей не ощущал себя сейчас дома ни лучше, ни нужнее, чем в том же самом кабинете школьного психолога, отвечая на совершенно, по его мнению, не относящиеся к ситуации вопросы. И так было уже давно. Выходить из дома не хочется, возвращаться ещё сильнее.

Когда Андрея направили к психиатру в первый раз, отец грубо от этого отказался, посчитав, что «психически нездоровый» сын может повредить его положение в больнице, где он работал.

– Ну ты же не скрываешь. – Андрей пристально смотрел на собеседника, сжимая пальцы под столом в кулаки. – Я пока ещё ни на кого не бросился. *И вещи ничьи не портил.*

Он наконец посмотрел на Андрея полным ненависти взглядом, спросил вызывающе:

– У тебя начинается, да? Тебе скорую вызвать? – он посмотрел на стол и крикнул, как бы обращаясь к кому-то: – Уберите от него ножи, он же сейчас зарежет кого-нибудь!

– Зарежу? Зарежу... Зарезать – это хорошо. – и Серебренский, не сдержавшись, схватил со стола кухонный нож, перевернув его в удобное для удара положение. – Ведь все психопаты кого-то режут, так? Правда, у меня даже диагноза как такового нет, но тебя это, конечно, не волнует. – он резко, со всей силой и обидой всадил нож в стоящий рядом пакет с хлебом. – Пойду ангелов бумажных кровью испишу. Мне ж заняться больше нечем.

Андрей поспешно встал из-за стола и быстрыми шагами пошёл к выходу из комнаты.

– Знаешь, Андрей, ты не медицински псих. Ты моральный калека. С самого раннего детства. Ты манипулятор и эгоист. Ненавидишь всех, просто не умеешь любить. Так и останешься изгоем. Тебя просто никто терпеть не будет. Никогда.

– *Плевал я на вашу любовь.*

Первое время Андрею ставили диагнозы. Когда он понял, что содействие дело только ухудшает, стал просто молчать. Ни на одном приёме Серебренский больше не сказал ни слова. Пока за всё не взялся Он.

Андрей помнил, как переступал порог кабинета, а дальше... Дальше только отрывки. Сущность в сознании хорошо знала, где улыбнуться, где что сказать, как отвести диалог от неудобной темы. Он делал всё идеально, ни разу больше не вызвав подозрений, в то время как Андрей не мог сделать вообще ничего. Действительно будто засыпал.

– Последние несколько раз мне говорят, что с тобой всё нормально... – осторожно начала мать, но Серебренский почти сразу её перебил.

– Я знаю. Со мной изначально так всё и было. Я просто пошутил. Откуда мне было знать, что все это *так* воспримут?

На какое-то время повисло молчание. *«Строй из себя идиота»*. Андрей смотрел ей прямо в глаза, надеясь, что от этого его слова покажутся более правдоподобными.

– Почему сразу не сказал?

Услышав в голосе недоверие, он на секунду сбился, но вскоре его мыслями и речью снова словно кто-то завладел.

– Если человек в смиренной рубашке со связанными руками, находясь в мягкой белой комнате, кричит, что здоров, его слова просто не будут воспринимать всерьёз. Он может только доказать. Надеюсь, мне это удалось.

Эпизод 10 (конец)

– Психиатрам нет дела до твоего состояния, Андрей. – Пётр отвернулся от него, равнодушно глядя в стену. – Ты просто будешь лежать, связанный ремнями, и пить нечеловеческие дозы успокоительного. В этой стране гуманного отношения к себе не жди, если решил узаконить диагноз. Сравняют, – он усмехнулся, – с бешеной собакой.

Андрей не ответил, но от двери отошёл. *Страшно. Неправильно.*

– Почему ты не можешь просто от меня отстать? Вместе со своим... мелким.

– А кем бы ты был без меня? Молчишь? Я отвечу. Был бы таким же, как все. Жизнерадостным придурком в розовых очках. Без меня ты бы из серой массы не выбился.

– Я и так в серой массе.

– Из серой массы можно выделяться оттенком серого. Что ты и делаешь. Но без меня ты был бы *никем*.

– Действительно, на какое психическое здоровье я рассчитываю, когда у меня даже галлюцинации с ЧСВ?

Дверь кабинета распахнулась, едва не задев Серебренского, и из неё вышел человек, уставившись на Андрея.

– Вы к психиатру?

Он поднял глаза и с совершенно честным видом помотал головой.

– Нет. Я к неврологу. Голова болит постоянно.

Что ж, даже почти не соврал.

– Так он ушёл давно.

– Жаль. – холодно ответил Андрей и спокойно пошёл к выходу, уже через плечо бросив что-то похожее на «Доброго вечера».

Пётр подорвался за ним. Они вышли из больницы. Серебренский поднял голову к небу и долго ещё смотрел на затягивающееся тучами тёмное небо. Смотрел, как пропадают звёзды с луной. Пока на лицо не упали первые капли дождя.

Эпизод 12

*«Прыгай за мной,
Социальное дно уже близко,
Давай, с головой»
©REDCHINAWAVE «Отменяй»*

Вся одежда давно была насквозь пропитана водой, и оттого навязчиво, неприятно липла к телу. Капли стекали на лицо, постоянно забиваясь в глаза.

На секунду всё вокруг вдруг осветилось далёкой, но яркой молнией, уши заложило громом. Серебренский даже не повернулся. Он смотрел вниз на свешенные с поребрика двадцатизэтажного здания ноги, думая о том, что, вероятно, это не самый плохой конец. Он не чувствовал холода, хотя был в тонкой промокшей рубашке, не чувствовал страха, хотя упасть, не удержав равновесия от сильного порыва ветра, было вполне просто. Во рту реял вкус дешёвого табака от зажатой в зубах сигареты, грозящейся потухнуть в любую секунду. «Я ведь правда могу всё это закончить?.. Быстро, – он неуверенно поднялся на ноги, – и, наверное, безболезненно?»

Снова раздался гром, заставив Андрея вздрогнуть. Он медленно придвинул ногу к краю, зажмурившись и пытаясь нащупать обрыв. *«Главное, головой вниз»*. Ощутив, что часть подошвы уже без опоры, он резко распахнул глаза и отшагнул назад. Он встряхнул головой и протёр руками глаза, пытаясь хоть немного уменьшить количество следов дождя. Андрей посмотрел вниз. *Высоко. Страшно.*

С новой вспышкой света он почувствовал за спиной чьё-то присутствие. Резко обернувшись, увидел человека и замер. Из-за жуткого вида его было сложно узнать сразу, но это был он сам. Только вместо глаз – глубокие чёрные впадины; кожа ещё бледнее, чем обычно; из-под почти посиневшей губы сочилась тоненькая дорожка грязной, гноящейся пены с кровью; кончики пальцев тоже покрывала тёмная синева.

Увидев это, Андрей едва не упал, неосознанно отшатнувшись от него к краю. Тот, даже не имея глаз, давал понять, что смотрит прямо в лицо. Затем он стал подходить ближе. Андрей не шевелился, пока фигура приближалась. Он хотел закричать, но изо рта не шёл никакой звук. Призрак подошёл, встал на поребрик. Не поворачивая головы, он тихо, но перекрикивая дождь, сказал загробным голосом всего одно слово:

– Рано.

И шагнул вниз. Андрей посмотрел, как он падал и, вместо того чтобы разбиться, исчез. По щеке, среди беспрестанно льющего холодного дождя, стекла одна горячая капля. «Это не слёзы. – Серебренский всхлипнул, заглушаемый грозой. – это дождь...»

Рано.

Эпизод 13

«Старая штука смерть, а каждому внове».

© И. С. Тургенев, «Отцы и дети»

Адель осторожно потянула дверную ручку. Стараясь не нарушать ночную тишину скрипом, она осторожно толкнула дверь. Оглядываясь, она вышла в коридор, глазами стараясь приспособиться к отсутствию света.

Воздух казался тяжёлым, в нём парила какая-то напряжённость, противная, тянущаяся. Темнота точно сама кричала, что *что-то* случилось. Или, по крайней мере, *должно* случиться. Нужно было оставаться у себя. Не выходить. Но странное ощущение холода, к физической температуре не имеющее отношения, тянуло заглянуть во все комнаты.

Вернее, в одну конкретную. Мысль об этом отчаянно билась в голове, но Адель этот момент оттягивала подсознательно, заходя в каждую комнату. Напряжение с каждой минутой росло.

Проверив всё, от целостности приборов до предметов возгорания, она всё же посмотрела на приоткрытую дверь в родительскую комнату.

Коридор казался длиннее, чем обычно. Стены как будто вытянулись в разы и не давали подойти ближе, всё увеличивая расстояние. Не сказать, что сейчас это казалось Адели проблемой.

Скорее положительным обстоятельством. Сердце стучалось в бешеном ритме, дыхание было неровным. Хотелось, чтобы дверь не приближалась совсем. Хотелось просто вернуться назад.

∞*∞*∞*∞*∞

Отец лежал на спине со слегка запрокинутой на бок головой. Он выглядел совершенно естественно, как любой спящий. Но Адели почему-то казалось, что всё *совсем* не в порядке. Она села перед кроватью и всмотрелась в его лицо. Оно выглядело *слишком* неподвижно. Она поднесла ладонь ближе. Спустя время не последовало ни вдоха, ни выдоха. Спина покрылась мурашками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.